

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

FOREIGN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-68-85

УДК 821.411.21

Научная статья / Research article

Историко-культурные процессы и периодизация арабской литературы

В.Н. Зарьтовская^{ID}

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10*

✉ widaad@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретической проблеме периодизации арабской национальной литературы. Вопрос деления арабской литературы на периоды уже давно находится в фокусе как арабских, так и западных, а также российских исследователей-литературоведов. Несомненно, анализа требуют такие приобретенные за последнее время в связи с ростом интереса к современной арабской литературе актуальность вопросы, как множественность и вариативность имеющихся периодизаций, причины несопадения периодизаций европейских и арабской национальных литератур, различные подходы к составлению периодизации арабскими и европейскими специалистами. Цель данной работы была обозначена как попытка продемонстрировать, прибегнув к анализу и сопоставлению, а также методу историчности, избыточность либо, наоборот, недостаточность некоторых периодизаций и использованных в них терминов, найти различные именованья одних и тех же периодов с теми же художественными принципами и временными рамками, а также установить факторы, которые оказали наиболее сильное влияние на пути развития арабской литературы. В ходе исследования делаются выводы о нецелесообразности соотнесения периодизации арабской литературы с общеевропейской, а также ключевой роли в истории арабской литературы ряда факторов. Во-первых, языкового (минимальные изменения в литературном языке с момента кодификации Корана в VII в.), который обеспечил преемственность и традиционность арабской литературы, веками сохранявшей и культивировавшей образные системы и стилистические приемы еще доисламского времени. Во-вторых, национального доминирования — чисто арабского или общемуусульманского характера об-

щества. В условиях последнего произошло взаимообогащение литератур народов, включенных в халифат, что повлекло коренные изменения в жанровой системе и тематике арабской литературы. Автор таким образом проводит мысль о том, что самобытность арабской литературы обусловлена особенностями арабской доисламской культуры вообще и словесной культуры в частности и историческими процессами Средневековья на Ближнем Востоке, в первую очередь — стремительным становлением халифата в качестве государства имперского характера и пребыванием большинства арабских стран в составе Османской империи, где арабский язык не был государственным, с XIV в. и до территориального передела по результатам Первой мировой войны.

Ключевые слова: арабская литература, периодизация мировой литературы, доисламская поэзия, арабский язык

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 15 октября 2021 г., откорректирована — 3 ноября 2021 г.; принята к публикации — 18 ноября 2021 г.

Для цитирования: Зарытовская В.Н. Историко-культурные процессы и периодизация арабской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 68–85. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-68-85>

Historical and Cultural Processes and Periodization of Arabic Literature

Victoria N. Zarytovskaya

*Peoples' Friendship University of Russia,
10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ widaad@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical problem of the periodization of the Arab national literature. The issue of dividing Arabic literature into periods has long been in the focus of both Arab and Western, as well as Russian literary researchers. Undoubtedly, such issues, which have recently acquired relevance in connection with the growing interest in modern Arabic literature, require analysis from such points of view as the multiplicity and variability of existing periodizations, the reasons for the discrepancy between the periodizations of European and Arab national literatures and various approaches to the compilation of periodization by Arab and European specialists. The purpose of this work was designated as an attempt to demonstrate, using analysis and comparison, as well as the method of historicity, the redundancy or, conversely, the insufficiency of some periodizations and the terms used in them, to find different names for the same periods with the same artistic principles and time frames, as well as to establish the factors that had the strongest influence on the development of Arabic literature. In the course of the study, conclusions are drawn about the inexpediency of correlating the periodization of Arabic literature with general European, as well as about the key role of a number of factors in the history of Arabic literature. First, linguistic (minimal changes in the literary language since the codification of the Qur'an in the 7th century), that ensured the continuity and tradition of Arabic literature,

which for centuries preserved and cultivated figurative systems and stylistic devices of pre-Islamic times. Secondly, the factor of national domination — a purely Arab or general Muslim character of the society. Under the conditions of the latter, there was a mutual enrichment of the literatures of the peoples included in the caliphate, which entailed fundamental changes in the genre system and themes of Arabic literature. The author thus holds the idea that the originality of Arab literature is due to the characters of Arab pre-Islamic culture in general and verbal culture in particular and the historical processes of the Middle Ages in the Middle East, first of all — the rapid formation of the Caliphate as an imperial state and the including of most Arab countries a part in the Ottoman Empire, where Arabic was not the state language, from the XIV century and before the territorial redistribution of the results of the World War I.

Keywords: Arabic literature, periodization of world literature, pre-Islamic poetry, Arabic language

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: October 15, 2021; revised: November 3, 2021; accepted: November 18, 2021.

For citation: Zarytovskaya, V.N. (2022). Historical and cultural processes and periodization of Arabic Literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 68–85. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-68-85>

Введение

Арабская литература уходит корнями в раннее Средневековье. Самые древние из дошедших до нас памятников арабской словесности создавались в доисламскую эпоху, т.н. аль-Джахилию (от слова *джахль* — невежество, т.е. «язычество, время неведения истинной веры») и датируются VI веком н.э., когда мусульманское летоисчисление еще не было начато. При этом доисламские поэтические тексты, прежде всего т.н. муаллаки (досл. *подвешенные, нанизанные (как жемчужины)*) — избранные лучшие произведения Имруулькайса, Тарафы, Лябида, Зухейра, Антары, Амбра ибн Кульсума и Харисы ибн Хиллиды (Муаллаки), вывешенные по легенде в свое время на священной Каабе в Мекке, которой поклонялись еще в языческие времена, — представляют собой образцы уже зрелой поэзии и сегодня признаны шедеврами мировой литературы. Академик И.Ю. Крачковский писал: «Эта, оказавшаяся такой могучей и жизненной, поэзия встает перед нами... в полной законченности и совершенстве одинаково со стороны языка, метрической формы, объема тем и композиционных приемов... Некоторые лингвисты не без основания видят в ней апогей семитского языкового творчества: при первом взгляде бросается в глаза колоссальный запас слов, разработанность форм, гибкость синтаксических оборотов» (Крачковский, 1956, с. 247). Художественные достоинства этих произведений свидетельствуют скорее в пользу более раннего начала арабской словесности, чем тот временной задел, наследие которого мы можем документально предъявить. Учитывая

также тот факт, что доисламская поэзия бытовала в устной форме и декламировалась поэтом, рупором своего рода-племени, перед широкой публикой с целью воздействия на нее (посредством таких распространенных в ту эпоху жанров, как *заплачки*, *похвальба*, *высмеивание* и др.), можно предположить, что внушительная часть ее не была впоследствии зафиксирована в письменном виде, а более ранние произведения бесследно утрачены, оставшись неучтенными мировой литературной критикой.

Черты именно этой, самой ранней, доисламской литературы — ритмы, образы, эстетические принципы, языковые обороты — на протяжении более тысячелетия служили эталоном для арабских авторов. А сама ориентация на эти образцы была возможна лишь благодаря сохранению арабами традиционного консервативного общества, крепко держащегося своих корней и идеалов, а также тому, что арабский язык по факту кодификации его в Коране в 653 г. н.э. практически не подвергался каким-либо заметным изменениям ни в лексическом составе, ни в грамматическом строе. А это уже создавало прецедент некой непрерывной литературной традиции, растянувшейся на многие века, подобие которой мы не можем отыскать в европейских национальных литературах.

При этом арабская литература надолго «выпала» из мирового литературного процесса в том смысле, что она в силу объективных, прежде всего исторических, причин была рассинхронизирована с этапами развития европейских национальных литератур, которые, как известно, принято делить на периоды Античности, Средневековья, Возрождения, Романтизма, Классицизма, Модернизма и Постмодернизма.

Наследие Античности, безусловно, оказало огромное влияние на Арабский мир. В первую очередь — в научной сфере. Переводы трудов Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Диоскорида и др., осуществленные в основном в багдадском «Доме мудрости» (Байт аль-хикма), основанном в начале IX в. халифом аль-Мамуном, придали такой импульс арабской философской, медицинской и математической мысли, что Арабский мир в Средневековье опережал Европу, явив миру таких ученых, как Авиценна и основатель социологии Ибн Халдун. Арабские мыслители смогли не просто перенести фундаментальные научные идеи Античности на новую почву, но и развить их.

Однако на характере литературного творчества арабов античное влияние сказалось в меньшей степени, что объяснимо: литература в отличие от науки опирается не столько на универсальные понятия, сколько вполне конкретные, имеющие отношение к месту, времени, нации, культуре, религии и языку, определяющему, как известно, картину мира и мышление, на чем и основывается гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа¹.

¹ Лингвистической относительности гипотеза // Большая российская энциклопедия. 2004. С. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2145242> (дата обращения: 22.11.2021).

Тем не менее знакомство с эллинистической философией стало одной из причин «поворота» литературы арабов от эмоционального к логичному, от индивидуального к общечеловеческому.

Не последнюю роль в «уклонении» траектории развития арабской литературы сыграла сложная история Арабского мира с его периодом имперского могущества и культурного расцвета, который пришелся на европейское «темное» Средневековье (VIII–XII века Омейядского и Аббасидского халифатов), сменившись долгими веками стагнации и упадка, когда сама основа национальной словесности — арабский литературный язык перестал быть государственным языком, в том числе языком, поддерживаемым государством, для абсолютного большинства стран Арабского мира. Этот период пришелся на начало XVI — начало XX века, когда страны Магриба и Левант (Сирия, Палестина, Ливан), а также Ирак входили в состав Османской империи до поражения последней в Первой мировой войне.

Все перечисленные обстоятельства — от раннего расцвета поэзии, уникальной языковой ситуации, стремительных арабских завоеваний, приведших к небывалому культурному подъему, а затем длительная стагнация и колонизация арабских стран и незаслуженная, на наш взгляд, относительно невысокая популярность арабской литературы сегодня в мире — все это создало самобытный характер арабского литературного процесса и обусловило в большой степени отличную от европейской периодизацию арабской литературы, точнее — варианты ее периодизации.

Арабскими, западноевропейскими и, конечно, российскими исследователями были предложены различные схемы деления арабской литературы на периоды. Некоторые из них оказываются более общими, другие — дробными, одни деления представляются кому-то из исследователей оправданными, другим, наоборот, — необоснованными, опирающимися лишь на формальные показатели, как, например, нумерация столетий либо смена одних завоевателей другими. Поэтому задачей исследования мы ставили анализ имеющихся схем деления арабской литературы на периоды. А за цель приняли сопоставление факторов различной направленности, определивших судьбы и специфику арабской словесной культуры, по степени их значимости. Среди них — язык, место, время, набор художественных приемов, преобладание тех или иных жанров, этнический состав, заметное влияние культур других народов или отсутствие такового, динамика истории государства (расцвет или упадок), государственная формация (халифат, фактически империя либо ряд национальных государств со своими литературными процессами — Египет, Судан, Марокко, Сирия, Саудовская Аравия и др.).

Актуальность подобного рассмотрения, как нам кажется, обусловлена растущим интересом к современной переводной арабской литературе по всему миру, о чем свидетельствует все большее количество переводимых книг и «открытых» имен, в частности Ахмеда Саадави, Джохи аль-Харти, Юсуфа Зидана, Аля аль-Асуани и др. По нашему глубокому убеждению,

подлинное осмысление и оценка их произведений возможны лишь при условии знания того, какой именно путь проделала арабская словесность за многие столетия, почему арабы так гордятся ею, по какой траектории движется арабская литература и почему и чем она не похожа на европейскую.

Популярные периодизации арабской литературы

В академической арабской филологии принято следующее деление национальной литературы на периоды:

- 1) джахилийский (доисламский) (до середины V в.)
- 2) исламский (время праведных халифов и Омейядского халифата, существовавшего до середины VIII в.)
- 3) аббасидский (до середины XIII в.)
- 4) период современных государств (с XIV в. до наших дней) (درويش، 1996، ص. 5-6).

Очевидно, что в арабской традиции периодизация национальной литературы выстроена по принципу историзма, так как «повороты» в ее истории совпадают с ключевыми моментами истории арабов — принятие ислама, становление арабской государственности, смена династий и географии культурных центров. В связи с этим возникают вопросы общего характера: насколько точно исторические периоды могут совпадать с этапами развития национальной литературы и находится ли периодизация литературы в прямой зависимости от исторических событий? Достаточно ли учитывать только исторический принцип при составлении периодизации арабской литературы? Не является ли это ее спецификой, поскольку сами арабские исследователи выстроили периодизацию собственной словесной культуры по исторической парадигме?

Что касается используемой европейскими специалистами периодизации, то ее предложил французский переводчик Режи Блашер (Regis Blachere) (1900–1973 гг.), взявший за основу того или иного этапа, по его собственному выражению, «культурное и идеологическое единство» (درويش، 1996، ص. 8). Мы позволим предположение, что «под культурным и идеологическим единством» Блашер мыслил обусловленные образом жизни и мышления наборы художественных особенностей произведений той или иной эпохи. Так, доисламская поэзия, блестящее описание системы образов которой было представлено в работе советского востоковеда Б.Я. Шидфар, выделяется на фоне всей последующей арабской литературы совокупностью следующих принципов: демонстрацией «тесной связи человека с природой, его стихийного материализма» (Шидфар, 2016, с. 58), «несвязностью, сюжетной дробностью» (Шидфар, 2016, с. 55), «эстетикой привычного» (Шидфар, 2016, с. 31), отсутствием индивидуальности у эпических героев» и др. Приведем в качестве иллюстрации муаллаку Имруулькайса:

*Постойте, поплачем над жилищем брошенным
В сыпучих кривых песках Дахула и Хаумала!*

*Стоянка любимой меж Микратом и Тудихом,
Не стерлись ее следы, их буря не замела.*

*Газелий помет, как зерна перца, рассыпан тут,
На месте пустынном, где кострища видна зола.*

*Я помню, когда они верблюдов навьючили
Под утро — еще над нами не рассеялась мгла,*

*Я был у загона под кустами колючими,
Слеза колоквином горьким вниз по щеке текла.*

(Перевод А.А. Долининой.
Письменные памятники Востока, 2013, с. 32)

Поэтому доисламскую эпоху иногда называют также «арабской античностью», а последующую эпоху, по аналогии с европейской литературой — классикой. Однако термины «античность» и «классика» применимы к арабской литературе, на наш взгляд, несколько в ином значении: первое в значении «древний», т.е. демонстрирующий первобытное мышление, а второй — в значении «золотой». Тот период, который принято называть классическим в арабской литературе, а у Блашера это VIII век, у других шире — VIII–XII века, не совпадает по временным рамкам с европейским классицизмом XVII–XIX веков, более того — значительно предшествует ему. При этом арабская классика сформировалась во многом благодаря именно переводам, толкованиям, адаптации и развитию именно эллинистической античной философии разума, в первую очередь — сочинений Аристотеля и Платона. Так, если в художественной парадигме комического в доисламскую эпоху в основном высмеивались, а точнее — поносились, индивидуальные физические качества представителей враждебного клана (чрезмерная полнота, например, поражение проказой), то в арабской классике предметом не эмоциональной, а логической уже сатиры становилась общечеловеческая глупость, жадность, невежество и другие качества, противоречащие разумному, например, самый известный сборник анекдотов основоположника арабской литературной критики аль-Джахиза (775–868 гг.) получил название «Книга о скупых». Благодаря такому подходу в работе Блашера 1960 г. «Moments» *tournants dans la littérature arabe* было обозначено пять периодов арабской литературы (8. درویش، 1996، ص. 8):

- 1) доисламский период (до середины VII в.);
- 2) золотой век (до середины VIII в.);
- 3) период малых государств (точнее — нескольких культурных центров, он же Аббасидский период в арабской классификации);
- 4) османский период (с начала XVI в. по середину XIX в.);
- 5) современный период (с 1860 — по сей день).

Как видим, примененная Р. Блашером терминология не единообразна — периоды выделяются один относительно религии (язычество-единобожие), другой — государственного устройства, третий — согласно простой линейной хронологии и даже оценки — «золотой». Противоречивым может показаться то, что доисламский период с его муаллаками, ставшими на столетия вперед образцом для подражания, не вошел в золотой век арабской литературы. Подобный вопрос возникает и о периоде Аббасидов: следует ли его рассматривать тогда как упадок, если он также не был включен в «золотой век»? Хотя это, по нашему глубокому убеждению, неверно, поскольку именно для периода правления Аббасидов характерно разнообразие жанров и интенсивное обогащение приемов и мотивов за счет восприятия литературного наследия соседних включенных в халифат народов. В эпоху Аббасидов творили такие масштабные фигуры, как Абуль Аля аль-Маари, Ибн аль-Мукаффа, аль-Бухтури, аль-Мутанабби, Абу Нувас и др. Культурный упадок начался гораздо позже — с приходом завоевателей с Востока и развалом Аббасидского государства в XIII в. Тем не менее выделенные Р. Блашером периоды обладают своего рода спецификой. Неразделенный в арабской традиции османский и современный периоды характеризуются разнонаправленной динамикой (стагнация — стремительное развитие). А современный период начинается спустя полвека после военной и научной кампании Наполеона в Египет, когда уже видны были результаты тесного взаимодействия цивилизаций, отразившегося в том числе на литературе обеих сторон света. О значимости даты 1798 г. американский ориенталист палестинского происхождения Эдвард Саид писал: «Именно с наполеоновской оккупацией Египта пришел в движение процесс выстраивания отношений между Востоком и Западом, который до сих пор определяет наши культурные и политические перспективы (Саид, 2006, с. 67).

Также в исследовательских материалах (Арабская литература) можно встретить такие деления, как

- 1) чисто-арабский период;
- 2) общемусульманский классический период;
- 3) послеклассический период;
- 4) упадок;
- 5) возрождение под влиянием европеизма.

В данной попытке периодизации, построенной на национально-религиозном принципе, находит выражение идея о том, что арабоязычная литература того периода, когда арабы существовали в рамках Аравийского полуострова, а это эпоха до арабских завоеваний и до распространения ислама, существенно отличается от арабоязычной литературы в рамках географии расширившегося впоследствии Арабского мира в условиях тесных культурных контактов арабов с другими народами — персами, берберами и др. Вместе с тем классическим периодом арабской литературы назван именно общемусульманский период, а не чисто арабский, которому «отказано» в классичности.

Приведем еще одну из встреченных нами классификаций (Стоянова, 2012, с. 8–9), основанную на совмещении хронологического принципа и формы передачи текста (устная либо письменная):

- 1) древнеарабская устная словесность;
- 2) средневековая арабская литература (VIII–XVIII вв.);
- 3) новоарабская литература (XIX — начало XX).

Таким образом, мы сталкиваемся с сосуществованием в научном обиходе вариантов периодизаций арабской литературы, основанных на различных принципах, принимающих во внимание тот или иной набор факторов, формирующих единство конкретного литературного периода, а иногда основанных и на одном-единственном факторе, например хронологическом либо национальном. С одной стороны, множественность периодизаций арабской литературы обусловлена самой сложностью проблемы периодизации в мировой литературе, а с другой — как нам кажется, объективно неодинаковыми взглядами на арабскую литературу изнутри (с Востока) и снаружи (с Запада), а также очевидным несовпадением периодизации арабской литературы с периодизацией литератур европейских. Кажущаяся неполнота либо однобокость каких-либо периодизаций связаны со сложным соотношением факторов, оказавших влияние на арабскую литературу. Как видим, зачастую исследователи для одного периода ключевым по праву могут считать фактор языковой формы (устное бытование), для другого — отрицательную динамику развития литературы, ее застой и все вытекающие из этого последствия. Один и тот же период с определенным набором характеристик может получать обозначение как по динамике развития литературы — *период упадка*, так и по государственному образованию — *османский период*. Безусловно, отдельного рассмотрения заслуживают факторы развития арабской национальной литературы, учтенные в различных ее периодизациях.

Анализ факторов, учтенных в различных периодизациях

1. Фактор языка. Прежде всего при составлении периодизации арабской литературы следует исключить такой важный для понимания истории развития европейских национальных литератур фактор, как язык. В отношении близких нам европейских языков, в их числе и русского, мы наблюдаем в историческом срезе непрерывные грамматические (морфологические на уровне слова и синтаксические на уровне построения предложений) изменения, а также сдвиги в семантике слов и фонетические преобразования, которые меняют «облик» лексических единиц. Самым ярким примером фонетических исторических преобразований в русском языке можно было бы назвать процесс падения редуцированных гласных, завершившийся в XII в., в результате которого сформировался иной фонетический строй (Трубецкой, 1987). Подобные изменения передаются от поколения к поколению, накапливаются и, по подсчетам специалистов, каждые 500 лет являют нам другой вариант языка, носители которого уже не воспринимают тексты 5-вековой

давности так, чтобы полноценно понимать их смысл, не говоря уже о коннотациях, аллюзиях и т.п. Другими словами, мы с трудом поймем текст XVI века, также и для русских людей XVI века текст XI века, надо думать, представлял определенные трудности и не мог стать литературным произведением, которое свободно читается, осмысливается, изучается и в конечном итоге оказывается живой частью современной им культуры. Однако эти рассуждения не применимы к ситуации с арабским языком.

Арабский язык является уникальным во многих отношениях. Зафиксированный в Коране в VII веке диалект племени курейш — одного из влиятельнейших родовых образований Аравийского полуострова, из которого происходил Пророк Мухаммед, сохранил на протяжении всех последующих столетий свойственные ему фонетические нормы, грамматическую структуру и максимально возможно лексический состав. Незначительные изменения в последнем обусловлены изначально присущей языку подвижностью: с одной стороны, естественной убылью части лексики в класс архаизмов, называющих уже вышедшие из употребления вещи, с другой — прирастанием неологизмами, которые обозначают новые вещи и явления — недавно изобретенные либо заимствованные. Характерно, что и для этого арабский язык в основном использует не заимствования, а добавляет значения к уже имеющимся словам, семантика которых пересекается с семантикой неологизма. Так, к примеру, лексическая единица *قطار* [qytaaʀ] — в современном употреблении *поезд* известна арабам более 1700 лет, так как ранее слово применялось для описания каравана, а слово *سيارة* [sayyaarat], в современном употреблении *машина*, встречается в одном из аятов (4. ص، 1996، درويش). В арабском не произошло ни замены исконной лексической единицы на другие, ни полного переосмысления ее значения. А это значит, что для чтения поэзии Имруулькайса, например, творившего полторы тысячи лет назад, современному арабу нет необходимости быть специалистом по исторической лингвистике и вообще обращаться к толковому словарю родного языка.

И это оказывается крайне важным для направления всего национально-литературного процесса: языковое единство прошлого и настоящего работает на то, что произведения тысячелетней давности активно читаются, осмысляются и переосмысляются, участвуя в формировании современной арабской личности, а их художественные особенности и приемы копируются в современной литературе, зачастую получая второе рождение. Например, поджанр «Ан-нунийя» — стихосложение, при котором каждая строка опирается на рифму на согласный нун — звук [н] (Фильштинский, 1985, с. 53) — встречается как у крупнейшего поэта Андалусии XI в. Ибн Зейдуна, дамасского богослова начала XIV в. Ибн Кайима аль-Джаузии и у оманского просветителя начала XX в. Абу Муслима аль-Бахляни. А «вслед за аль-Бахляни поэт Мухаммед Абдулла бен Асимин из Катара (ум. в 1944 г.) представил свое стихотворное прославление монарха Саудовской Аравии короля Абдель Азиза Аль Сауда в том же ритме и с той же рифмой, что и «ан-Нунийя», после того как последняя была полностью, несмотря на объем-

ность, напечатана в известном журнале стран Залива «аль-Кувейт». Арабские исследователи отмечают, что язык выдающихся поэтов XX века, таких как Низар Каббани из Сирии, Ахмед Шауки, Таха Махмуд, Махмуд Хасан Исмаил из Египта и др., является органичным продолжением доисламской поэзии (5 درويش، 1996، ص. 5), находясь с ней как бы в одной плоскости, но на другом временном отрезке, и читается она также, как арабская поэзия любой другой эпохи или географии, например, андалусская поэзия, достигшая своего расцвета на территории современной Испании в VIII–XIV веках в творчестве Абд ар-Рахмана, Ибн Абд Раббихи, Ибн Кузмана и др.

Таким образом, фактор языка при периодизации арабской литературы не может служить маркером того или иного периода. Поскольку арабский литературный язык един, по крайней мере с того времени, как литературные памятники письменно фиксируются, мы не можем поделить арабскую литературу на написанную на одном арабском языке и на каком-то другом арабском — древнем, средневековом и т. д.

2. Фактор религии. Как видно в приведенных выше схемах, практически все специалисты при попытке периодизации арабской словесности ставят водораздел между доисламской литературой и литературой исламского периода. Здесь хотелось бы отметить безусловную обоснованность выделения эпохи аль-Джахилии в отдельную ступень развития арабской культуры вообще на основании существования в тот временной отрезок особой поэтики, выразившейся в системе образов, ритмике, тематике произведений, форме бытования текста и др. Ее особенности, в свою очередь, были обусловлены родоплеменным строем арабов Аравийского полуострова (например, жанр песни мести *саар*), отсутствием у них централизованного государства и правительственных структур, языческой мифологией и мышлением, полукочевым образом жизни, относительной изолированностью, исключаяющей заметное влияние других культур. Как указывает А.В. Коротаев и соавторы, доисламская поэзия расцвела «с характерным для доисламской Мекки отсутствием политической централизации и относительно высоким благополучием населения, когда заметная часть населения Мекки могла позволить себе роскошь систематически думать о чем-то отличном от хлеба насущного, а с другой стороны, не бояться преследований борющегося с инакомыслием государственного аппарата» (Коротаев, Клименко, Пруссаков, 2007, с. 59).

С одной стороны, все эти характеристики начинают стираться с приходом ислама, который в корне меняет жизнь бедуинских племен, нивелирует родоплеменные отношения, объединяет их под единым знаменем ислама, вводит централизованную систему управления и налогов, выводит их с Аравийского полуострова и расселяет на территориях родственных и неродственных арабам народов, что приводит к необратимым процессам взаимодействия и взаимообогащения культур и переходу к оседлому городскому образу жизни. Однако ислам сам по себе как религия, мировоззрение и мироотношение здесь, скорее всего, выступает не в качестве причины поворота, который совершила арабская литература в последующие за жизнью Про-

рока века, а как катализатор, повлекший за собой настолько глобальные социальные изменения в жизни арабов, что они сказались в том числе и на литературных формах творчества. Фактор ислама, о чем будет речь идти ниже, неизменно сопровождается иными факторами общественной жизни, что говорит не в пользу его самостоятельности в данном контексте. К тому же, следуя логике противопоставления доисламский (не исламский)/исламский период, нам оставалось бы установить только два периода в развитии арабской литературы — языческий, который закончился в VII в., и исламский, длящийся по сей день. Очевидно, что это был бы крайне грубый подход, при котором не просматривалась бы разница методов средневековой новеллы и художественных приемов лауреата Нобелевской премии по литературе в 1988 году египтянина Нагиба Махфуза, который, как известно, был соблюдающим мусульманином.

С другой стороны, обращает на себя внимание то, что в отличие от доисламской поэзии «в Коране, зародыше формирующейся монотеистической религии, мы видим попытку объяснения вечных вопросов... попытку создать определенную философскую систему... но в пределах этого различия видны особенности, объединяющие образную систему Корана с древнеарабской, ибо эстетическое восприятие мира не изменилось» (Шидфар, 2016, с. 101).

Если углубляться в разговор сугубо о религии, то есть исторические свидетельства того, что Пророк осуждал стихосложение, равно как находились свидетели того, что он признавал право поэзии на существование. Поэтому мы будем придерживаться той точки зрения, что Пророк осуждал именно **праздное** стихосложение. В Коране и хадисах мы можем найти слова, в которых на первый взгляд осуждается поэзия: *А за поэтами следуют заблудшие* (сура «аш-Шуараа», аят 224). Позволим себе также предположить, что Пророк выступил против некоторых поэтов, поскольку в период становления ислама среди обладателей красноречия находились противники единобожия, а ислам в первые годы распространялся по Аравийскому полуострову сложно. И наоборот, например, в одном из хадисов наиболее известный сподвижник Пророка Мухаммеда, выходец из Йемена Абу Хурайра (603–678 гг.) передает, что Посланник Аллаха хвалил стихи поэта Лябида (1768/4, 1991, أبو الحسين مسلم بن الحجاج). Переводчик Корана, выдающийся советский ученый И.Ю. Крачковский (1883-1951) отмечал, что Мухаммед — сам поэт, который достигал поэтического эффекта, а о художественных особенностях и достоинствах Корана до сих пор идут филологические дискуссии (Alharbi, 2021; Bettayeb, 2021; Shair Ali, Abdul Mujeeb, Zainab, 2021 и др.). Есть также исторические факты того, что и ближайшее окружение Пророка, например его младшая жена Айша, игравшая после его смерти определенную политическую роль, высказывалась в стихотворной форме. Да и разные другие фигуры смутных времен халифата оставили после себя по тому или иному поводу рифмованные строки (Большаков, 1998, с. 41). То есть и в раннем халифате поэзия — оружие слова — продолжала играть ту же роль,

что в доисламское время. Другими словами, инерционная волна джахилийской поэзии сходилась, но не была остановлена религией.

По большому счету, «события из жизни и деятельности Мухаммеда, в том числе — проливающие свет на взаимоотношения Пророка с поэтами, не поддаются строгой научной проверке. Историческая личность Мухаммеда после его смерти обросла бесчисленным числом преданий. Так, лишь один из его авторитетнейших биографов — аль-Бухари (ум. в 850 г.) собрал и записал более 7 тысяч легенд, из которых он сам посчитал правдоподобными только тысячу. Однако, даже если принять версию отрицательного отношения Пророка к поэзии, при жизни его влияние распространялось лишь на малую часть Аравийского полуострова в районах Мекки и Медины (Йасриба) и соседних с ними оазисов и после его смерти традиции доисламских поэтов были продолжены, но уже при дворе Омейядов. Напомним, что от начала ниспослания Пророку аятов до установления власти халифов-Омейядов прошел всего 51 год, с 610 по 661.

3. Фактор национально-культурного доминирования. Наиболее существенным мы находим фактор национального доминирования, на основании которого в арабоязычной литературе выделяют чисто арабский период и период многонационального государства — халифата, фактически империи. В первом временном отрезке арабы существовали, не испытывая заметного влияния соседних народов, и продолжали свои традиции, унаследованные с языческих времен. Традиции эти были настолько сильны, что основная из них — родоплеменная сплоченность и семейственность — даже при праведных халифах, т.е. в централизованном исламском государстве, не раз оказывалась сильнее транслируемого исламом равенства и интересов государства. В смутное время к тому или иному политическому блоку, например в случае исторического выступления против Али как праведного халифа Айши и в ходе последующей борьбы за Басру, к той или иной стороне примыкали или откалывались именно племенами и родами (Большаков, 1998, с. 29–42).

В период завоеваний арабы «насаждали» свою культуру завоеванным народам и неизбежно с Кораном распространяли по Ближнему Востоку и Северной Африке арабский язык, расширяя его ареал, а значит, и арабскую словесность. Как отмечает А.В. Кортаев с соавторами, очевидное культурное доминирование арабов сохранялось при первой династии халифов — Омейядах, т.е. условно до 750 г. (132-го г. по хиджре). Он пишет: «В Омейядском халифате существовало, хотя и не формальное, но исключительно сильное социальное давление на исламизированные группы неарабов, фактически заставлявшее их перенимать арабские нормы и практики, даже если они не имели прямого отношения к исламу...» (Кортаев, Клименко, Пруссаков, 2007, с. 63). Неслучайно в арабской исторической традиции используется термин не *завоевания*, а *открытия* — *al-futuuh* или *al-futuuh al-'islaamiyyah*. Таким образом подчеркивается просветительская роль арабов в жизни завоеванных (открытых ими) народов и их заслуга в передаче истинного по их глубокому убеждению религиозного знания.

Вскоре в стремительно за век-полтора «раздувшейся» империи, где большинство населения составляли уже не арабы, произошли неизбежные изменения: представители других народов, овладевшие арабским языком, в первую очередь персы, переносили на арабскую почву плоды своего многовекового развития и литературного творчества. Среди них принадлежавший к знатному персидскому роду и поступивший на государственную службу к Аббасидам Ибн аль-Мукаффа (724–756 гг.), осуществивший перевод на арабский «Категорий» Аристотеля, «Книги государей» и басен «Калила и Димна». В результате развитие получил целый ряд новых жанров поэзии и прозы: любовная и философская лирика, новеллы, народный роман, гиперболически-хвалебные оды, изящные газели, появились новые метры, «неожиданные» темы, в том числе запрещенные в исламе. Так, «пьяный» гедонизм и эпикурейство поэта Аббасидского халифата Абу Нуваса (ум. в 810 г.) породили застольные песни и охотничьи стихи, а также способствовали окончательному оформлению в отдельный жанр *хамрийят* винной поэзии и жанр *зухдийят* короткого лирическо-философского произведения. Приведем пример первого из них:

*Кубки, наши соколы,
За вином летают,
Лютни, наши луки,
Сладостно играют.
Наша дичь — газели.
Утренние зори.
А добыча — девушки
С нежностью во взоре.
С пылками сраженьями
Наши ласки схожи.
И бои ведем мы
На любовном ложе.*

(Абу Нувас. Перевод М. Кудинова)

4. Династический фактор. В арабском литературоведении расхожими являются термины «омейядская литература» и «аббасидская литература», подразумевающие различный характер арабской словесности при правителях Омейядах со столицей в Дамаске (661–750 гг.) и правителях Аббасидах со столицей в Багдаде (с 750 г. — до захвата Багдада татарами-монголами в 1258 г.). В арабской среде эти термины обоснованы глубоким пониманием собственной истории и осознанием исторических и культурных различий между двумя эпохами. В то же время для западных и российских исследователей, в случае если они не являются востоковедами-историками, непонятно, какой именно вклад в литературу внесли представители династий и какая между ними разница, кроме хронологической — Аббасидский халифат следовал за Омейядским. А между тем главное их отличие — именно наци-

ональное доминирование арабов, о котором мы говорили выше и которое закончилось с расширением халифата на восток в сторону Ирана и с допущением представителей других культур ко двору и управлению государством, с ростом их веса при Аббасидах, в том числе в литературной сфере.

Если придерживаться принципа исторической точности, то процесс культурного уравнивания арабов с другими национальностями знаменует собой не само начало правления Аббасидов в качестве лидеров, а так называемая Аббасидская революция (многосторонняя гражданская война) 747–750 гг., завершившаяся ликвидацией неполноправного положения немусульман-арабов, стиранием остроты противопоставления арабско-бедуинского чуждому и постепенной арабизацией вошедших в халифат народов.

5. Динамический фактор. Не менее важен динамический фактор, показывающий развитие, движение вверх либо стагнацию, снижение творческого потенциала литературы. На его основании мы четко отделяем все перечисленные выше периоды вместе, динамика которых очевидна — к индивидуализации героев, разнообразию жанров, тем, накоплению различных художественных приемов и открытости другим национальным литературам, от длительного периода упадка, охватившего несколько веков и закончившегося формированием множества национальных арабских литератур — египетской, саудовской, ливанской и т.д., которые, в свою очередь, пошли на следующий виток развития и изменений, впитав современные тенденции европейской литературы модернизма и постмодернизма (Суворов, 2010).

Действительно, череда завоеваний части территорий Аббасидского халифата татара-монголами и сельджуками обернулись феодализацией и ослаблением центральной власти, что обычно сопровождается известной экономической, а впоследствии и культурной стагнацией. Однако закономерно, что именно в этот период нашествий рождается своеобразный арабский средневековый декаданс, для которого характерно пессимистическое безразличие к реальности. Ярчайшим явлением арабской культуры этого периода стали мистики суфии и их представитель от литературы Ибн Араби (1165–1249 гг.).

*О, сжальтесь, уймите тревожные песни печали,
Чтоб скорбь не проснулась, чтоб струны души не звучали.*

*О, душ перекличка! О, зовы тоскующей птицы
На тихом восходе и в час, когда солнце садится!*

(Ибн Араби. Перевод З. Миркиной)

Дальнейшее включение арабских территорий в Османскую империю не принесло столь известных имен, как Ибн Араби. В этот период, как мы указывали выше, арабский язык перестал быть государственным. На арабском писали много, но вычурно, а основными жанрами были развлекательные сборники, народные повести и анекдоты, признанные низкими жанрами

словесности. Следующий период арабской литературы на основании динамического фактора мы вправе обозначить лишь после османского периода арабской истории, когда появляется новоарабская литература, а сам виток культурного роста получает в арабских странах название ан-Нахда — *Возрождение*. В арабских странах просветители вдохновляются как Французской буржуазной революцией, так и мировым литературным наследием, среди которого не последнее место принадлежит русскому классику Льву Толстому (Аль-Манфалути, 1981, с. 80–87). После Первой мировой войны популярность приобретают публицистика, сентиментальные жанры, а также социально-бытовая новелла (творчество Адиба Исхака, Мустафы Камиля, Джебрана Халиля Джебрана и др.).

Пожалуй, вершиной современного периода следует назвать творчество первого и на сегодня единственного арабского нобелевского лауреата по литературе (за 1988 г.) Нагиба Махфуза (1911–2006 гг.), привлечшего интерес мировой общественности к арабской литературе. К сожалению, после Нагиба Махфуза международную литературную премию получил только один автор из Арабского мира — оманская писательница Джох аль-Харти за роман «Небесные тела» (2011 г.), победивший в конкурсе переводной на английский язык литературы (The Man Booker Prize — 2019). Однако в мировом масштабе арабская литература переводится в новейший период несравнимо больше, нежели ранее. И это говорит о ее растущем потенциале и возрастающем к ней интересе читателей по всему миру, несмотря на сохранение ею самобытности и инаковый путь развития.

6. Фактор смены государств. При ближайшем рассмотрении фактор смены государств делит арабскую литературу на те же хронологические отрезки, что и динамический фактор. Очевидно, что расцвет/упадок литературы зависит от уровня образования на языке, которому в османский период, т.е. период колонизации арабских стран, уделялось меньше внимания. Фактор смены государства также перекликается с династическим фактором, когда мы говорим о смене Омейядской династии на Аббасидскую. Поэтому мы выскажем предположение об изъятии этого фактора при составлении периодизации арабской литературы как дублирующего, при условии, что династический и динамические факторы одновременно принимаются в расчет.

Заключение

Итак, мы сделали попытку рассмотреть различные существующие в арабской и зарубежной (по отношению к арабским странам) критике периодизации арабской национальной литературы. Мы не ставили себе целью дать оценку трудам упомянутых нами исследователей, полагая, что каждая из классификаций, которая не противоречит фактологическим данным, не только имеет право на существование, но более того, обогащает наше восприятие арабской литературы и понимание ее истории.

Мы обнаружили в научном обиходе различные именованя периодов развития арабской литературы, которые обозначают практически один и тот же временной отрезок, одну и ту же художественную систему, но в то же время именуется по-разному, исходя из того, какой фактор автора периодизации принимает в качестве ключевого. Так, *период малых государств* вполне соответствует *аббасидскому периоду*, *древнеарабская устная словесность* — *джахилийскому (доисламскому) периоду*, а также *чисто арабскому*. А *период упадка* соответствует в других классификациях *османскому периоду*, в зависимости от фокуса исследователя — на динамике либо на государственной принадлежности. Также термин *новоарабская литература*, выбранный на основе временного фактора, следует, по нашему мнению, признать синонимом *периода возрождения под влиянием европеизма*, поскольку заметное влияние европейской литературы на арабскую имело место именно в Новое время.

Отдельный интерес для нас представляло сравнение периодизаций европейских с арабской, показавшее, что для представителей Арабского мира литературный процесс тесно связан с событиями истории и его прямая зависимость от хода исторических событий, разворачивающихся на Ближнем Востоке, очевидна.

Оценив влияние различных факторов на развитие арабской национальной литературы, мы выделили два из них, участвовавших в формировании самобытного характера арабской литературы вообще. В качестве основного — фактор языка, определивший сохранение некоторых литературных традиций на тысячелетие, а также в качестве поворотного — фактор национального доминирования, который сблизил литературные традиции арабов, персов и других включенных в халифат народностей, обогатив их словесные культуры и дав им толчок к последующему развитию.

Наше исследование также показало неравноценность факторов в определении периодов развития литературы вообще и их частичное наложение друг на друга. Подчас сложным представлялось определить, какой из факторов был катализатором социально-культурных преобразований, а какой из них был их следствием. Очевидно, что такие пересекающиеся понятия, как династия и государство, обозначают частично совпадающие факторы и оставляют ряд вопросов: в период халифата династия и есть государство? Как применить династический принцип ко времени национальных государств? Имеет ли прямое отношение та или иная династия к литературному процессу? Все это приводит нас к выводу о сложности и многоаспектности факторов, влияющих на выделение того или иного периода в арабской литературе. Иногда названный специалистами фактор выступает как катализатор литературных процессов, иногда — как следствие другого фактора, за которым стоят глубокие общественные и исторические преобразования.

Библиографический список

Абу Н. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st030.shtml> (дата обращения: 22.11.2021).

Аль-Манфалутти М. Толстому // Арабская романтическая проза XIX–XX веков. Ленинград: Художественная литература, 1981. С. 80–87.

Арабская литература. URL: <http://granat.wiki/enc/a/arabskaya-literatura> (дата обращения: 24.10.2021).

Большаков О.Г. История халифата. Между двух гражданских войн 656–696. М.: Восточная литература, 1998. 382 с.

Ибн аль-Араби. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st060.shtml> (дата обращения: 02.11.2021).

Имруулькайс. Муаллака / Литературный перевод с арабского языка А.А. Долининой // Письменные памятники Востока. 2013. № 1(18). С. 32–38.

Кортаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2007. 112 с.

Крачковский И.Ю. Арабская поэзия: избранные сочинения. Т. II. М.–Л.: Академия наук СССР, 1956. 702 с.

Муаллаки. URL: <http://alcala.ru/literaturnaia-enciklopedia/slovar-M/4676.shtml> (дата обращения: 05.11.2021).

Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 639 с.

Стоянова Н.И. История литературы стран второго иностранного языка. Махачкала: Издательство ДГУ, 2012. 83 с.

Суворов М.Н. Постмодернизм в арабской литературе // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. С. 72–122.

Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143–167.

Фильштинский И.М. История арабской литературы. V — начало IX века. М.: Наука, 1985. 531 с.

Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Марджани, 2016. 322 с.

Alharbi M. Linguistic Appropriateness in the Quranic Text // College of Arts and Humanities Journal. 2021. P. 417–461.

Bettayeb N. Speech Synthesis System for the Holy Quran Recitation // International Arab Journal of information Technology. 2021. № 18 (1). P. 8–15. <https://doi.org/10.34028/iajit/18/1/2>

Shair Ali K., Abdul Mujeeb B., Zainab A. Quran and Metonymy: Literal, Semantic and Metonymic Translation (Analysis of English Translation of Quranic Verse). Fahm-i-Islam. Biannual Research Journal. 2021. January-June. Vol. 4. № 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.37605/fahmiislam.v4i1.132>

Ахмад Дарвиш. Мадхаль 'иляль 'адабиль 'арабийийиль хадис. Аль-Кахира. Дар аль-ма'ариф. 2008. 199 с. [أحمد درويش. مدخل إلى الأدب العربي الحديث. القاهرة: دار المعارف، 199 ص.].

Абу аль-Хусейн Муслим аль-Хаджджадж. Сахих аль-муслим. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмийа, 1991. 2932 с. [أبو الحسين مسلم بن الحجاج. صحيح المسلم. بيروت: دار الكتب العلمية، 1991، ص. 2932].

Сведения об авторе:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. ORCID ID: 0000-0001-9910-7913; e-mail: widaad@yandex.ru